

УЛЫБКА СУДЬБЫ

Дорогая редакция!
Мой любимый фильм — «Ирония судьбы», а любимый актер — Андрей Мягков. Я всегда стараюсь посмотреть кинокартины и телевизионные передачи с его участием. Сравнительно недавно узнала из телепередачи «В добрый путь», что он, оказывается, и преподает в Школе-студии МХАТа. Это очень приятно, так как он сможет, я уверена, воспитать хорошую смену. Но, к сожалению, я не видела ни одного театрального спектакля, где играет Андрей Мягков, и вообще мало что знаю о нем как о театральном актере, да и о человеке. И мне кажется, что узнать об этом было бы интересно не мне одной.

С уважением

М. Н. ЕРЕМЕНКО, служащая.

СЛАВГОРОД, Алтайский край.

Наш корреспондент Елена Зонина беседует с заслуженным артистом РСФСР Андреем МЯГКОВЫМ.

— Для многих ваше появление в роли Евгения Лукашина из фильма «Ирония судьбы, или С легким паром» было достаточно неожиданным.

— Признаться, для меня тоже не приходилось играть в комедии, оттого и пробовался в картину с таким огромным желанием. Режиссер Рязанов же относился к моим усилиям весьма прохладно. Собственно, пробу-то назначили не мне, а одной актрисе, у нее не было партнера, и я просто «подыгрывал», без каких-либо надежд на положительный результат. Не знаю, что увидел во мне Эльдар Александрович, но на роль утвердил, и через два с половиной месяца фильм был готов. С сожалением констатирую, что первая встреча с комедией на экране произошла, когда мне было далеко за тридцать. Правда, никогда не поздно начинать.

— Совершенно верно. Вы ведь и актером стали не сразу?

— Вы имеете в виду мою несостоявшуюся карьеру инженера? Да, я пришел в Школу-студию МХАТа после окончания Ленинградского технологического института. В студии у меня были великолепные педагоги — профессор Е. Морес и В. Марков. Им я обязан многим, в том числе и удачным выбором дипломной работы — в «Дядюшкином сне» (инсценировка повести Ф. Достоевского) я сыграл Дядюшку. Достоевским увлекся очень рано, чуть ли не в детстве. И один из самых любимых образов — Алеша Карамазов, которого я сыграл в фильме Ивана Александровича Пырьева.

— Ко времени выхода «Братьев Карамазовых» на экран вы уже были актером театра «Современник»?

— Да, я проработал в нем тринадцать сезонов. Это были счастливые годы: я много играл в русской классике, в пьесах современных советских и зарубежных драматургов. И если поначалу сетовал на то, что стал актером поздно, то теперь вижу в этом не только минусы, но и плюсы: легче играть, когда имеешь жизненный опыт; тогда есть что сказать зрителю.

— Сейчас люди все больше идут на определенного исполнителя, на постановку того или иного режиссера. Мне кажется, это происходит от высокой подготовленности зрителей, от выросшего уровня восприятия.

— Личность актера, его духовная наполненность, богатства, заложенные в нем, не могут не заинтересовать. Бывает, что роль беднее и ниже дарования исполнителя. Но талантливый, умный актер может «дотянуть» даже посредственную роль...

— За счет профессионального мастерства, техники?

— Не только. В первую очередь за счет собственного видения, своего отношения к образу. Сегодняшний актер — и философ, и аналитик, и психолог. Ему необходим абсолютный слух, чтобы услышать то, что происходит в жизни, он, как камертон, помогает зрителю настроиться на нужную волну.

— Некоторые ваши роли (Петя Трофимов в «Вишневом саде», Барон — «На дне», Алексей Турбин — «Дни Турбиных») знали великих исполнителей, знаменитых артистов Художественного театра. Трактовка Качалова, Хмелева считается классической. Вы не видели, естественно, этих артистов, но сохранились описания их игры, кино- и фотосъемки. Помогли ли они вашей работе?

— Я высоко чту искусство старшего поколения МХАТа. Каждый актер, если стремится работать по-настоящему, учитывая опыт предшественников, подходит к роли с позиций сегодняшнего дня.

Убежден, что любое повторение — даже талантливое — обречено на неудачу. В творчестве важно только первичное, только открытие. Даже если бы я очень захотел, я не сумел бы сыграть Барона так, как это делал, к примеру, Василий Иванович Качалов; я стал бы инородным телом в спектакле «Современника», который поставлен совсем иначе, чем во МХАТе.

— Вам довелось воплотить образы реально существовавших личностей — Герцена, Трубецкого, Гайдара... Каков же ваш принцип подхода к подобным ролям?

— Никогда не ставил своей целью полностью раскрыть сложную, талантливую личность, да это, по-моему, и невозможно. Даже когда я, готовясь к той или иной роли, прочитал массу литературы — документальной, мемуарной, художественной, — все равно не могу утверждать, что постиг внутренний мир такого гиганта мысли, как Герцен, например. Я пытаюсь показать одну, наиболее значительную черту характера, а на нее «нанизывать» эскизно другие.

Беда многих биографических сценариев и пьес в том, что авторы пытаются «втиснуть» в них абсолютно все. В результате чисто внешняя событийность, калейдоскоп действующих лиц, поверхностность, иллюстративность, которыми грешат и роли, о которых мы говорили.

— Вы ими недовольны? А бытует мнение, что вы «счастливчик» и у вас нет неудачных ролей...

— Ну что вы! Есть неудачи, и они остались в памяти болю — в них вложены труд, душа, отдана частица сердца. То, что не получилось в кино, — раз и навсегда зафиксированный «неуд»; в театре же можно продолжать работу над ролью изо дня в день. Но и здесь упустишь время, пропадет настрой, и все...

Наша профессия зиждется на интуиции: нет чутья — нет артиста. Не могу объяснить, как работаю, и думаю, что «творческая кухня» малоинтересна для зрителя, ему важен результат.

Удивительное эмоциональное состояние создает живопись — восхищает, потрясает, дает толчок фантазии, рождает ассоциации. В Париже я много раз приходил в Музей импрессионистов. Постояв возле одной-другой картины, иду на улицу, потом возвращаюсь снова. Я не мог, понимаете, не мог сморгнуть все подряд: воспринять, пропустить через себя так много прекрасного сразу невозможно. Мечтаю — в идеале, разумеется, — найти сценический и экранный эквивалент такому воздействию: чтобы зритель после спектак-

ля или фильма с твоим участием уходил просветленным, очищенным и задумавшимся.

— Последние годы вы много работали в кино, но если говорить откровенно, не все роли — на уровне Евгения Лукашина из «Иронии судьбы». Попадались и проходные, и обычные...

— Против этого не возражать — что было, то было. Наверное, наступил период, когда надо «остановиться, оглянуться», а то можно скакать из картины в картину и растерять себя. Актер, конечно, виноват, когда соглашается на заведомо слабую роль, но и его можно понять: хочется работать. Режиссеры нередко нещадно используют найденный типаж. Со времени выхода «Иронии судьбы» не было недели — не превеликую, — чтобы я не получил сценария, где герой похож на Лукашина. Я отказался от всех — даже самых заманчивых — ролей.

— Слышала, что вы сейчас начали сниматься в телевизионном фильме о юношеских годах Карла Маркса, который ставят совместно с ГДР советские кинематографисты.

— Да, потому что режиссер Лев Александрович Кулиджанов предложил интересную и не похожую на предыдущие работу: современный Историк, который комментирует происходящее на экране, расширяя и дополняя фактический материал. Фильм будет готов тогда через полтора.

— Очевидно, паузу заполняете театральными работами в новом для вас коллективе — МХАТе?

— Да, я играю Треплева в «Чайке», репетирую Тузенбаха в «Трех сестрах», занят в новом спектакле «Эльдорадо» А. Соколовой.

— А у вас нет желания заняться режиссурой?

— Мне кажется, что еще больший простор предоставляет для этого педагогика. Я преподаю актерское мастерство в Школе-студии МХАТа. Вместе с актрисой театра «Современник» Аллой Покровской работаем с курсом, который набрали в 1977 году мои учителя — Евгения Николаевна Морес и Василий Петрович Марков. Занятия сложные, кропотливые: прохожу вместе с ребятами заново азы актерского искусства, одновременно изучаю психологию, образ мысли, вкусы «незнаемого племени» молодых. И то, что мне казалось очевидным, ясным, простым, вырастает порой в сложную проблему. Ощущаю колоссальную ответственность за судьбы, вверенные нам, педагогам, но уверен, что занятия приносят обоюдную пользу.

Фото Н. и А. Агеевых [ТАСС].

1 СЕН 1978

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА